

УДК 81'366+81:372.881

**ТЕОРИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ
В КОНТЕКСТЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ:
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА В ВУЗЕ**

А.Л. Шарандин

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, 392000, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются методические аспекты проблемы взаимодействия лексики и грамматики, которая является центральной в обучении русскому языку. В контексте педагогической лингвистики и авторской теории лексической грамматики как особого аспекта русской грамматики представлен лексико-грамматический анализ слова в диалектическом единстве языка и речи. Он позволяет оценить интегративные знания по лексике и грамматике в их взаимосвязи, целостности и системности. Степень и характер научных знаний в педагогической лингвистике связаны с уровнем развития учащихся школ и студентов. Представленный в статье лексико-грамматический анализ слова-лексема осуществляется в двух направлениях: 1) в отношении формы слова (словоформы) и 2) в отношении слова-лексема. Включение в лексико-грамматический анализ синтаксических форм (дериватов) позволяет применять активные формы изучения русской грамматики, направленные на описание какой-либо предметно-денотативной ситуации в разных условиях коммуникации. Предложенный план лексико-грамматического анализа проиллюстрирован конкретным языковым материалом (разбором глагольной лексема). Результаты применения теории лексической грамматики способствуют выработке у студентов диалектического понимания системы в отношении языка и речи, морфологии и синтаксиса, а в целом – в отношении взаимосвязи и взаимодействия лексики и грамматики.

Ключевые слова: лексика, грамматика, теория лексической грамматики, педагогическая лингвистика, анализ слова, язык и речь

*Посвящается юбилею профессора
Татьяны Михайловны Николаевой,
развивающей в своей научной
деятельности лучшие традиции
Казанской лингвистической школы*

Постановка проблемы

Постоянное обращение исследователей к вопросам изучения и преподавания русской грамматики на том или ином этапе её развития закономерно, поскольку стремление педагогов учитывать результаты научных поисков в своей

образовательной деятельности является естественным в связи с соответствующими компетенциями, обозначенными в федеральных государственных образовательных стандартах¹. Причём важно принять во внимание несколько обстоятельств:

1. Развитие лингвистики приводит к новым знаниям, что могут находиться в некотором противоречии с устоявшимися традиционными взглядами в изложении теоретического материала и практикой языкового анализа. В результате возникают спорные вопросы, постановка которых предполагает определённую методику решения;

2. Методика как наука часто не успевает адаптировать приращение новых научных знаний к школьному обучению в силу объективных причин, поскольку нет уверенности в однозначности результатов научных изысканий и их научном долголетии. Так, по мнению учёных, научная информация стареет и в этом смысле обесценивается примерно со скоростью 10–25% в год [1, с. 137]. Возникает закономерный вопрос о соотношении ранее полученных и новых знаний.

3. Перед наукой и образованием стоят разные задачи. Как отмечал ещё Ф.И. Буслаев, «надобно отличать учёную методику от учебной. Учёный, излагая науку, увлекается только ею одной, не обращая внимания на личность читателя или слушателя: он предлагает свою науку единственно тому, кто поймёт его. Напротив того, педагог должен развивать, образовывать и упражнять способности учащихся: наука его тогда имеет цену, когда прилична тем лицам, коим преподаётся» [2, с. 27]. Поэтому в настоящее время получает развитие **педагогическая лингвистика**. В центре её внимания «оказывается сам субъект деятельности – обучающийся с его потребностями, интересами, отношением к высказываемой мысли» [3, с. 3].

4. Язык – важнейшее средство человеческого общения. Осознавая это, учащиеся должны постигнуть также иное свойство языка, ведь он «не только является средством познания мира, но и сам представляет собой особый мир, который человек познаёт и тем самым познаёт себя как языковую личность с присущей ей общечеловеческой и индивидуальной ментальностью» [4, с. 10]. Как невозможно полностью познать действительность во всём её разнообразии, так и язык, будучи естественной системой, оказывается сложным объектом действительности, который также невозможно познать в полном объёме. Вот почему в языке не всё удаётся разложить по полочкам, всему найти объяснение. Но, изучая язык, мы постигаем языковую картину мира, потому что «язык сам мыслит своими формами» [5, с. 530]. Именно это и характеризует его как «исключительно сложное явление действительности, и хотя им практически овладевают ещё в раннем детстве, осознание этого явления в целом и в деталях... представляет весьма значительные трудности» [6, с. 4]. Степень и характер научных знаний в педагогической лингвистике определяют объективные причины, связанные с уровнем развития учащихся школ и студентов.

Теория лексической грамматики как *особый аспект грамматики*, позволяющий осмыслить языковые механизмы взаимодействия лексической семантики слова и его грамматических значений, оформилась сравнительно недавно,

¹ См. <https://минобрнауки.рф/документы/336/>.

хотя отдельные факты этого взаимодействия всегда в той или иной степени присутствовали и получали своё отражение в разных разделах изучения русского языка в школе и вузе². Это было обусловлено тем, что лексика и грамматика как подсистемы языка обнаруживают характеристики, присущие только им, демонстрируют специфические способы выражения той информации, которая передаётся грамматикой и лексикой и аккумулируется ими, обеспечивая функционирование языка в целом.

В результате возникла следующая ситуация: возможным считалось описание лексики и грамматики изолированно друг от друга. На наш взгляд, такой подход – будь то исследовательский принцип или методический приём – вполне обоснован, но при этом он не отражал онтологического единства лексики и грамматики, которые, по существу, являются взаимосвязанными как содержание и форма в языке: лексика – это концептуальное содержание, а грамматика – концептуальная структура (форма). Противопоставление лексики и грамматики во многом условно, поскольку они являются подсистемами по отношению к языку как естественной системе. А это значит, что в системе языка грамматика и лексика слиты воедино и свойства их единиц порой неразграничимы. Поэтому важно сформировать системное представление не только об отдельных языковых уровнях (подсистемах), но и о языке в целом. При этом, учитывая философское положение о характере взаимосвязи содержания и формы, мы имеем в виду *относительный характер их соотношения в языке*. «То, что на одном уровне выступает как содержание, – справедливо замечает С.Д. Кацнельсон, – то на другом, более высоком уровне проявляется как форма нового содержания. Относительность понятия грамматической формы и грамматического содержания сказывается в том, что формальным в языке может быть не только звуковое выражение, но и содержание» [8, с. 26–27].

Кроме того, изучение и описание взаимосвязи и взаимодействия лексики и грамматики позволяет осознать и осмыслить *диалектику* их отношений, которая проявляется между различными сторонами языка, в частности языком и речью, синхронией и диахронией, между различными единицами морфологической системы: частями речи, категориями, формами – в отношении к лексике. Поэтому мы считаем, что аспект взаимодействия грамматики с лексической семантикой должен быть одним из важнейших аспектов учебного курса русского языка.

Немаловажно и то, что усвоение взаимосвязи и взаимодействия лексики и грамматики позволяет осмыслить лексикографический материал, как то данные толковых словарей, где в вокабуле представлены и лексические, и грамматические сведения – в виде толкования лексического значения и набора грамматических помет соответственно.

Целью настоящей статьи является рассмотрение лексико-грамматического анализа в контексте теории лексической грамматики (морфологии) и её реализации в диалектическом единстве языка и речи. В этом случае речевое осмысление даёт возможность увидеть соотносительность грамматической формы и её значения, а языковой аспект позволяет осмыслить взаимодействие лексиче-

² Вопрос о характере отношений между теорией лексической грамматики, представленной в наших работах, и теорией функционально-коммуникативной грамматики М.В. Всеволодовой рассмотрен в статье «Лексическая грамматика и функционально-коммуникативная грамматика в аспекте их соотношения» [7].

ского значения анализируемого слова и грамматических форм, структурирующих его концептуальное содержание.

**Лексико-грамматический анализ во взаимосвязи структурно-семантического подхода и теории лексической грамматики
(на материале глагольной лексики)**

Лексико-грамматический анализ слова – это один из видов работы по русскому языку, который позволяет оценить интегративные знания по лексике и грамматике в их взаимосвязи, целостности и системности. Это даёт возможность увидеть, насколько грамматический строй русского языка осмыслен в единстве морфологии и синтаксиса, языка и речи, а также в связи грамматики с другими уровнями языковой системы – лексикой и морфемикой.

Прежде всего хотелось бы уточнить представление об *отношениях между морфологией и синтаксисом*, которые в рамках грамматики представляют собой *единое целое*, а не даны как две онтологически самостоятельные сущности [9, с. 73]. Тесную их взаимосвязь отмечал, в частности, В.В. Виноградов: «...морфологические формы – это отстоявшиеся синтаксические формы» [10, с. 31]. Отношения между морфологией и синтаксисом в этом случае можно определить так: все морфологические формы имеют синтаксическое обоснование, но не всё в синтаксисе получило отстоявшуюся морфологическую форму. Например, глаголы *знобить*, *нездоровиться* не имеют формы 1 л. и мн. ч., но в синтаксических конструкциях они могут сочетаться с личными местоимениями 1 л. ед. и мн. ч. (*мне нездоровится*, *нам нездоровится*). В отличие от них, глаголы типа *смеркаться* такой сочетаемостью не обладают, что и позволяет различать их в плане субъектности: *нездоровится* обозначает процесс, присущий живым (гомическим) субъектам³, тогда как *смеркается* имеет отстоявшуюся морфологическую форму бессубъектного глагола⁴. В этом случае синтаксис приходит, если так можно выразиться, на помощь морфологии, корректируя отношения между лексикой и грамматикой в целом. Поэтому отсутствие морфологической формы 1 л. у глагола *нездоровится* должно сопровождаться указанием *мне* в словарной статье, что и позволяет относить данный глагол к гомическим (антропоморфным).

Осмысливая *отношения между грамматикой и лексикой*, можно выделить *три основных подхода* к решению этой проблемы, на что мы уже указывали в статье «Лексическая грамматика как объект когнитивной лингвистики» [9, с. 72–73]:

1. Лексика и грамматика, будучи относительно самостоятельными подсистемами в языке как знаковой, коммуникативной системе, рассматриваются *изолированно друг от друга* (см. выше). В связи с этим принято разграничивать и противопоставлять лексическое и грамматическое значения, что, по сути, представлено в *традиционной (структурно-семантической) грамматике*.

³ «О состоянии нездоровья, недомогания, испытываемом кем-либо», – значит, к примеру, в словаре Т.Ф. Ефремовой (<http://www.вокабула.рф/словари/толковый-словарь-ефремовой/нездоровится>).

⁴ <http://www.вокабула.рф/словари/толковый-словарь-ефремовой/смеркаться>

2. Яркими примерами при рассмотрении *лексических единиц в качестве средств выражения грамматической семантики* служат функция связки *быть* с наиболее отвлечённым значением и явление супплетивизма в грамматике. К их числу относят также предлоги, союзы и частицы, которые в традиционной грамматике выделяются в качестве служебных слов, и т. д. В своём концептуальном варианте включение лексикологии в число грамматических дисциплин представлено в трудах В.П. Даниленко. «В рамках фразообразования она предшествует морфологии, – пишет учёный, – поскольку лексический период в построении нового предложения предшествует морфологическому...» [11]. Это направление во всех его многообразных вариантах обозначают таким терминологическим сочетанием, как *грамматическая лексикология*. Правда, в работах грамматистов Казанской лингвистической школы (в частности, [12]) названный термин оказывается, по существу, близким к термину *лексическая грамматика* (см. ниже).

3. Предметом исследования в этом случае выступает *грамматика как средство выражения лексической семантики* [13]. Данный подход прямо противоположен предыдущему, отличаясь и от первого, поскольку в центре внимания оказывается не столько противопоставление лексического и грамматического значений, сколько их *взаимодействие*, которое, конечно, предполагает разграничение этих типов значений. Наиболее полно их корреляция в плане системно-структурного описания русского языка нашла отражение в выделении *особого аспекта грамматики – лексической грамматики* (см. [14]), где *грамматические средства (категории, формы) рассматриваются как имплицитные («скрытые») средства выражения абстрактной лексической семантики*. Она, как и конкретная лексическая семантика, оказывается неотъемлемой частью идейно-понятийного содержания слова, по отношению к которому грамматика выступает как концептуальная структура.

Определим позицию по вопросу *о связи грамматики с морфемикой*. Морфемы рассматриваются как незначащие минимальные сегментные части слова, выполняющие семантически значимую функцию. Последняя выявляется словесно опосредованным способом на лексическом, морфологическом и словообразовательном уровнях как средство выражения соответствующих значений – лексических, грамматических и словообразовательных. Другими словами, морфемы оказываются *языковыми средствами эксплицитного выражения разных видов (типов) семантики (значения)*.

В учебниках и пособиях по русскому языку мы имеем дело прежде всего с морфологическим анализом слова. Определяя его сущность, важно обратить внимание на содержание терминов, составляющих это сочетание, а именно на понятия *слово* и *морфология*, поскольку они неоднозначны, им соответствуют единицы с разным терминологическим содержанием. Так, *слово* выступает как отражение обыденного сознания носителей языка, с одной стороны, единица семиотическая – с другой, а кроме того, языковая и, наконец, речевая.

В целом с учётом единства сознания, семиотики, языка и речи (коммуникации) **лингвистическое (специальное) определение слова** будет следующим: «Слово – это лексический репрезентант концепта, чаще всего понятийного типа, который имеет звуковую оболочку, является синтагматическим членом выска-

звания и предстаёт в той или иной морфологической форме, совокупность которых образует его языковую репрезентативную парадигму» [15, с. 249].

Итак, в аспекте разных определений термин *слово* отражает различные типы знаний, связанных с их концептуализацией и объективацией в той или иной области постижения языка как специфического объекта действительности. Задачу разграничить слово как единицу речевую (представлено той или иной своей формой) и языковую (совокупность форм и их значений) исследователи попытались решить путём введения в понятийный аппарат лингвистики понятия *лексема* [10, с. 17].

В связи с этим определяется и *объект морфологии*. Большинство лингвистов принимает так называемый словесный подход к определению морфологии, согласно которому фокус внимания последней направлен на слово (лексему) с его грамматическими видоизменениями и характеристиками, представляющими формы слова и грамматические категории. *Предметом морфологии* в этом случае можно считать описание грамматической информации (грамматических значений), передаваемой по каналам морфологии с помощью морфологических (грамматических) категорий. Это позволяет не только выявлять информацию в единицах морфологии (словоформах в широком смысле), но и использовать морфологические значения как характеристики слов-лексем и их классов (частей речи, лексико-грамматических разрядов).

В отношении морфологического анализа разграничение слова как формы и как лексемы нашло отражение в таком его свойстве, как двухступенчатость, которое, по мнению Л.Д. Чесноковой, «заключается в том, что слово рассматривается в двух своих направлениях: с одной стороны – как элемент морфологической системы языка, как некоторая модель той или иной части речи; с другой – как единица словоупотребления со всеми своими индивидуальными особенностями, обусловленными спецификой текста, в котором она функционирует» [16, с. 7]. Данный атрибут исследователь связывает с отражением диалектического единства общего и частного (общего и конкретного).

Обозначенное разграничение, на наш взгляд, позволяет видеть в морфологическом анализе языковой и речевой аспекты в их единстве. П.С. Кузнецов определяет слово как единицу речи, а единицу языка, соответствующую слову, он называет лексемой [17, с. 75]. «Слово – лишь речевой коррелят лексем, речевое произведение по заданному плану», – считает В.Г. Руделёв [13, с. 63]. В этом кроются многообразные отношения данных единиц с нашим сознанием. Будучи единицей языковой, слово предполагает связь с абстрагирующей функцией сознания, а как единица речевая (коммуникативная) – реализует конкретизирующую функцию последнего [9, с. 76].

Лексема, как нам представляется, отражает моделирование «речемыслительной деятельности человека с целью наиболее экономного представления процесса номинации и порождения словоформ (деривации), а также тех языковых знаний, которые обуславливают осмысление этого процесса и его единиц в когнитивно-дискурсивном аспекте языка» [18, с. 262]. Потому она есть не что иное, как *модель номинации*, реализующая тот или иной лексико-семантический вариант в разных условиях коммуникации. В ней *претворяет лишь одну форму, лексически, грамматически и стилистически гармонирующую с другими лексемами*

в структуре высказывания. Выбор таковой обуславливается речемыслительной деятельностью человека, коммуникативными и прагматическими целями говорящего.

Связывая морфологический анализ с разграничением языка и речи, а также общего и частного, важно иметь в виду, что в том и другом случае мы имеем лексическую семантику, оформленную грамматически, то есть соотносительность формы и содержания. Применительно к слову как форме это проявляется в корреляции его конкретной лексической семантики и конкретного грамматического значения, выраженного формообразовательной (словоизменяющей в широком смысле) морфемой, а в случае лексемы – во взаимосвязи её абстрактной лексической семантики и грамматической (состав парадигмы форм).

Соотносительность лексического и грамматического значений в структуре конкретной словоформы не вызывает, как правило, возражений, поскольку слово рассматривается большинством исследователей как единство лексического и грамматического значений. Ср. у В.В. Виноградова: «Слово представляет собою внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений» [10, с. 18]. Что же касается слова как лексемы, точнее взаимосвязи лексической семантики и парадигмы её форм в качестве плана выражения, то здесь требуются некоторые пояснения, поскольку в этом случае грамматические средства (категории, формы), будучи сами семантически непустыми, рассматриваются в качестве средств выражения *абстрактной лексической семантики*. Последняя, как и конкретная лексическая семантика, оказывается неотъемлемой частью идейно-понятийного содержания слова, по отношению к которому грамматика выступает как концептуальная структура [9, с. 73].

Высшую степень абстрагированности (абстрактности) мы видим в частеречном значении. Как известно, части речи в самом общем виде рассматриваются как *классы слов*, вследствие чего содержательная сущность части речи не вызвала спора. Однако её характер – грамматический и/или семантический (лексический) – был предметом постоянных дискуссий. Это не случайно, поскольку он определяет языковое пространство той или иной части речи.

Думается, вопрос о характере значений частей речи должен быть решён в пользу точки зрения, согласно которой значение той или иной части речи носит *абстрактный лексический характер*, но при этом частеречная лексическая семантика оформлена грамматически. *Специфика грамматического оформления концептуального содержания части речи* состоит в том, что для того, чтобы выделить часть речи, важно обозначить непосредственный набор грамматических категорий как таковых по принципу «есть – нет» («наличие – отсутствие»), безотносительно к компонентам морфологической категории. Концептуальная интеграция содержания и формы, на наш взгляд, строится на основе совместимости/несовместимости концептов частеречного и грамматико-категориального. Эта особенность обуславливается семантической природой частей речи, то есть определена в высшей степени абстрагированным понятием, что позволяет включать в тот или иной состав лексемы с разнообразной конкретной лексической семантикой. А значит, устанавливая часть речи с точки зрения содержательного (смыслового) наполнения, мы имеем дело с абстрактной лексической семантикой, которая реализует интегрирующую функцию [18, с. 245].

В лексико-грамматическом разряде (далее – ЛГР), в отличие от концептуальной интеграции лексической семантики и её выражения в части речи, мы имеем иную реализацию. Семантические определения – это конкретизация общего (инвариантного) значения части речи (сохраняется абстрактная лексическая семантика, только менее умозрительная по сравнению с семантикой части речи). Образующиеся на уровне ЛГР концепты иначе объективируются в языке. Если для части речи состав парадигмы грамматической категории не играет существенной роли, то в ЛГР именно этот признак приобретает классифицирующую функцию. В этой связи *принципом описания лексико-грамматических разрядов (на уровне морфологии) оказывается понятие семантической дефектности парадигмы*, когда отсутствие той или иной морфологической формы в парадигме слова обусловлено семантическими причинами – значение не совместимо с концептом ЛГР. «В результате интегративная концептуализация предстаёт как избирательная к сочетаемости лексического концепта ЛГР и грамматического концепта той или иной словоформы в составе грамматической категории» [18, с. 245].

Как уже было отмечено нами ранее в статье «Лексическая грамматика и функционально-коммуникативная грамматика в аспекте их соотношения» [7, с. 564], может возникнуть впечатление, что абстрактная лексическая семантика, выражаемая посредством грамматических категорий, является чем-то умозрительным, второстепенным, не имеющим коммуникативной ценности и функциональной значимости. Однако если исключить из школьного преподавания материал о ЛГР слов, будет не ясно, почему в толковых словарях, где раскрывается лексическое значение слов, содержатся грамматические пометы. Не безразлична абстрактная лексическая семантика и к функционированию слов. Так, глагольные слова (лексемы), характеризующиеся абстрактной лексической семантикой «гомичности», предполагают употребление при них в роли субъекта местоимения 1 л. или существительного, называющего лицо. «Негомические» же глаголы описывают предикативные признаки животных и предметов и поэтому не сочетаются с местоимениями 1 л. Таким образом, абстрактная лексическая семантика имеет ярко выраженную ориентацию на высказывание.

Итак, *морфологический анализ слова в аспекте речи и языка оказывается всегда по своей природе (сущности) лексико-грамматическим анализом*, то есть и лексема как языковая единица, и форма слова как речевая единица всегда в той или иной степени сориентированы на отражение действительности, на отражение её предметов и явлений. При этом их предметно-понятийное содержание (лексическая семантика) всегда будут грамматически оформленным, хотя средства этого оформления (выражения) оказываются различными.

Предлагаемый план лексико-грамматического анализа слова (с некоторыми комментариями)

1. Часть речи и её представленность в высказывании (тексте).

Данная позиция представлена во всех схемах анализа в качестве первой. На наш взгляд, она требует уточнения в плане указания на грамматическое оформление категориального (частеречного) значения и на её представленность в высказывании (тексте) в качестве члена предложения.

2. *Начальная форма и её лексическое значение, отражённое в конкретном словаре.*

Почему необходимо указание этой формы? Да потому, что эта форма словарная. Поэтому важно не только указать начальную (словарную) форму, но и дать её лексическое толкование, так как порой слова анализируются безотносительно к их конкретной лексической семантике.

3. *Семантико-грамматические характеристики анализируемой формы и лексико-грамматические характеристики соответствующего слова-лексемы.*

Вариант: собственно морфологический анализ словоформы и анализ слова-лексемы.

Следует отметить, что порядок и последовательность семантико-грамматических и лексико-грамматических характеристик определяется в соответствии с иерархией морфологических категорий, где учитываются взаимосвязи категорий друг с другом и их значимость (место) в системе категорий той или иной части речи. Так, система глагольных категорий может иметь следующий вид: наклонение, время, вид, залог, лицо (род), число [19, с. 229]. Анализ словоформы и слова-лексемы ведётся параллельно по отношению к каждой категории, что позволяет выявить грамматическое значение представленной в тексте формы и на основе полноты/дефектности парадигмы той или иной грамматической категории описать компоненты абстрактной лексической семантики слова. В результате выявляется диапазон его ситуативных реализаций, одна из которых и представлена функционированием анализируемой словоформы.

4. *Абстрактная лексическая семантика слова (языковой аспект) и её ситуативная реализация в тексте (речевой аспект).*

Здесь подводится итог предшествующего анализа. Может возникнуть впечатление, что этот пункт избыточен. Но описание лексико-грамматических характеристик на основе отношения к составу парадигмы отдельно взятой категории оказывается недостаточным в аспекте системного представления грамматических категорий в структуре слова (лексемы), где они функционируют как единый комплекс.

Кроме того, здесь наиболее ярко выявляется противопоставление языка и речи – двух основополагающих понятий, в той или иной степени заявленных в учебниках. Увы, «в практике школьного и вузовского преподавания русского языка отношения между ними остаются декларативными, не прослеживаются на реальном языковом материале» [7, с. 566].

5. *Морфологическая структура анализируемой словоформы.*

Наконец, собственно разбор слова по составу (морфемный), место и необходимость которого в морфологическом разборе определяется тем, что основным средством выражения грамматических значений являются формообразовательные морфемы, причём средством их выражения может быть один и тот же элемент (например, флексия в глагольных формах настоящего времени). В том случае, если за элементом структуры слова не будет закреплено значение, неправомерно и выделение его в словоформе как морфемы, поскольку это противоречит исходному определению морфемы как значимой части слова (ср. интерфиксы).

6. *Собственно морфологические (формальные) признаки словоформы: спряжение, класс.*

7. Синтаксические (коммуникативно-дискурсивные) формы лексемы: причастие, деепричастие, статив, девербатив.

Набор этих форм зависит от лексической семантики слова-лексемы. Например, если сравнить коммуникативно-дискурсивный потенциал глагольных лексем *закрывать/закрывать* ‘сдвинуть, задвинуть что-нибудь для преграждения доступа’ (*закрывать дверь, окно*)⁵, с одной стороны, и *рассветать/рассветит* ‘о рассвете: начаться, появиться’⁶ – с другой, то, как было отмечено нами ранее [9, с. 78], *рассветать* не обнаруживает коммуникативных ситуаций, связанных с реализацией таких дискурсивных форм, как личные формы, статив, причастие и деепричастие, а реализует лишь безличные формы, инфинитивную и девербативную формы (*рассвет*).

Проиллюстрируем предлагаемый план лексико-грамматического анализа на материале функционирования глагола в тексте, взяв, например, строки стихотворения «Не подберу сейчас такого слова» Н. Рубцова (1957):

*Когда-то я мечтал под тёмным дубом,
Что невесёлым мыслям есть конец...⁷*

1. Часть речи и её представленность в высказывании (тексте)

Мечтал – глагол, обозначающий процессуальный признак, который оформляется грамматическими категориями времени, наклонения, вида, залога, лица (рода) и числа. В высказывании не начальной (не словарной) формы, выступает в роли предиката (сказуемого).

2. Начальная форма и её лексическое значение, отражённое в конкретном словаре

Начальная (неопределённая) форма – *мечтать*. В словаре С.И. Ожегова она имеет значение ‘предаваться мечтам о ком- или чём-нибудь’. Например: *мечтать о путешествии, мечтал попасть на родину*.

3. Семантико-грамматические характеристики анализируемой формы и лексико-грамматические характеристики соответствующего слова-лексемы

- а) В высказывании функционирует в форме изъявительного наклонения, обозначая глагольный признак, доподлинно существующий в действительности. Форма повелительного наклонения реализуется (*мечтай*), так как этот признак свойствен человеку, который способен воздействовать на своё сознание с определённой целью. Следовательно, глагольный признак представлен как мыслительное действие, о чём и свидетельствует соответствующий вопрос: *Что делал я под тёмным дубом?*
- б) *Мечтал* – форма прошедшего времени, так как обозначает действие, которое наблюдалось до момента речи. Данное действие может быть представлено и в момент речи (*мечтаю*). Значит, это действие имеет постоянный, преходящий характер.
- в) Форма несовершенного вида обозначает действие, неограниченное внутренним временным пределом. Видовая пара отсутствует. Таким образом, *мечтать* имеет неопределённый характер, связанный с внутренним протеканием действия, но оно может быть ограничено теми или иными способами: *помечтать* (ограничительный), *отмечтать* (финитивный) и др.

⁵ <http://tolkru.com/page/zakrqity.php/>.

⁶ <http://tolkru.com/page/rassvesti.php/>.

⁷ http://rubtsov-poetry.ru/poetry/55_59_1.htm/.

- г) В субъектно-объектном отношении представлена форма действительного залога, о чём свидетельствует наличие причастия действительного залога (*мечтающий, мечтавший*). Обозначает действие, присущее субъекту. Форма страдательного залога отсутствует, потому что *мечтать* является безобъектным, действие не направлено непосредственно на объект.
- д) Глагол функционирует в форме прошедшего времени, не имеющей показателя лица в своей структуре. В высказывании глагольная форма соотносится с 1 л., обозначающим субъект. Морфологические формы 1–2 л. реализуются в настоящем времени, что отражено и в словарной статье, поскольку носителем данного действия является человек – непосредственный участник коммуникативного акта.
- е) Род отражает согласование с местоимением 1 л. и определяет его статус – лицо мужского рода (пола) (ср. *я мечтала*).
- ж) Форма мужского рода сопряжена с формой единственного числа, обозначающей, что субъект представлен в количественном отношении как один. Числовая парадигма полная (*мы мечтали*). Следовательно, данное состояние субъектное.

4. Абстрактная лексическая семантика слова (языковой аспект) и её ситуативная реализация в тексте (речевой аспект)

Глагол *мечтать*, имеющий конкретное лексическое значение ‘предаваться мечтам о ком- или чём-нибудь’, обозначает также *процессуальный признак, представляющий неопредельное преходящее безобъектное действие гомического субъекта (человека)*.

Анализируемая словоформа отражает в тексте следующую ситуацию: действие, присущее человеку, наблюдалось до момента речи как реальное незавершённое, безотносительно к объекту.

5. Морфологическая структура анализируемой словоформы

Все семантико-грамматические характеристики словоформы находят отражение в её морфемной структуре: *мечт-а-л-Ø* (ср. *мечтал-а*), где *нулевое окончание* выражает значения мужского рода и единственного числа, суффикс *-л-* – прошедшего времени и изъявительного наклонения, а суффикс *-а-* – несовершенного вида (согласно школьной традиции). Лексическая основа представлена корнем *-мечт-*.

6. Собственно морфологические (формальные) признаки словоформы: спряжение, класс

Форма несовершенного вида *мечтал* в настоящем времени имеет окончания I спряжения, которое представлено в ед. ч. тремя формами: *мечтаю, мечтаешь, мечтает*; соотношение основ: *мечтать* – *-а-* (инфинитив), *мечта-ют* – *-ај-* (настоящее – будущее время) – первый продуктивный класс.

7. Синтаксические (коммуникативно-дискурсивные) формы лексемы: причастие, деепричастие, статив, девербатив

Что касается *реализации особых форм* лексемы *мечтать*, то они являются результатом употребления данного слова в непредикативных позициях, где глагол смешивается с другими частями речи. В результате возникают такие формы синтаксической деривации (по Е. Куриловичу), как причастные (*мечтающий, мечтавший*), деепричастные (*мечтая, мечтавши*) и субстантивные (девербатив *мечтание*). Форма статива отсутствует. В этом случае выявляется и коммуникативный-дискурсивный потенциал данного глагола⁸.

⁸ См. также [20, 21].

Выводы

Представленный в статье лексико-грамматический анализ слова-лексемы может производиться в двух направлениях, а именно в отношении 1) словоформы и 2) слова-лексемы. Эти направления взаимосвязаны, поскольку отражают два подхода – языковой и речевой. Они, будучи нетождественными, предполагают друг друга, обнаруживая единство: речевой аспект позволяет использовать грамматику (морфологические формы и их значения) для описания языкового содержания лексемы, представленного абстрактной лексической семантикой, и его структурирования. В результате правомерно говорить о морфологической структуре слова-лексемы, которая отражает представление слова в тексте и словаре. Будучи своего рода реализацией «родословной» слова-лексемы, это позволяет нам увидеть «жизнь» языковой единицы с момента «рождения» в словаре. «И на всём протяжении “жизни” (функционирования) слово остаётся словом. Оно лишь способно, в зависимости от ситуации, своей значимости в тот или иной момент, видоизменяться, трансформироваться, приспосабливаться к другим словам в высказывании» [4, с. 99], что и позволяет слову-лексеме реализовывать разные формы своего существования в тексте (высказывании).

Кроме того, включение в лексико-грамматический анализ синтаксических форм (дериватов) слова-лексемы разрешает применять активные формы его изучения, направленные на описание какой-либо предметно-денотативной ситуации в разных условиях коммуникации, когда креативная речевая деятельность человека оказывается актуализированной в зависимости от целей и задач коммуникации. Определяя их перед изучающим русский язык, мы добиваемся реализации его речевых способностей на создание высказываний, которые отражают понимание денотативной ситуации как в целом, так и в её преломлении в речевом мышлении обучающегося, то есть выявляют то, что в коммуникативном акте для него является актуализированным. Причём в этом случае парадигма синтаксических форм также выполняет структурирующую функцию по отношению к лексической семантике слова-лексемы, которая будет иметь только тот набор коммуникативно-дискурсивных (синтаксических) форм, который не противоречит лексическому значению слова.

Таким образом, лексико-грамматический анализ языкового материала в представленном варианте оказывается тем, что способствует выработке у студентов диалектического понимания системы в отношении языка и речи, морфологии и синтаксиса, а в целом – в отношении взаимосвязи и взаимодействия лексики и грамматики.

Литература

1. Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке (Философские очерки). – М.: Наука, 1975. – 287 с.
2. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка // Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. – М.: Просвещение, 1992. – С. 25–373.
3. Проблемы педагогической лингвистики / Науч. ред. К.К. Филиппенко. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 181 с.
4. Шарандин А.Л. Актуальные и спорные вопросы русской морфемики. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2012. – 130 с.

5. *Аксаков К.С.* Полное собрание сочинений: в 3 т. – М.: Унив. тип., 1875. – Т. 2, ч. 1: Сочинения филологические. – XII, 660 с.
6. *Распопов И.П.* О преемственности в преподавании русского языка в школе и вузе // Школьная и научная грамматика. – Воронеж: ВГУ, 1977. – С. 3–8.
7. *Шарандин А.Л.* Лексическая грамматика и функционально-коммуникативная грамматика в аспекте их соотношения // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. ст. – М.: МАКС пресс, 2013. – Вып. 47. – С. 558–570.
8. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
9. *Шарандин А.Л.* Лексическая грамматика как объект когнитивной лингвистики // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2015. – Вып. 3. – С. 72–79.
10. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высш. шк., 1972. – 615 с.
11. *Даниленко В.П.* Ещё раз о грамматическом статусе лексикологии. – URL: <http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/lecsologia.htm>, свободный.
12. *Балалыкина Э.А.* К вопросу о грамматической лексикологии как самостоятельной лингвистической дисциплине // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2006. – Т. 148, кн. 2. – С. 68–76.
13. *Руделёв В.Г.* Фонология слова. – Тамбов: ТГПИ, 1975. – 128 с.
14. *Шарандин А.Л.* Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология. – Тамбов: ТГУ, 2001. – 313 с.
15. *Шарандин А.Л.* Сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика как единое концептуальное пространство // Вопр. психолингвистики. – 2015. – № 3. – С. 240–250.
16. *Чеснокова Л.Д.* Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора. – М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.
17. *Кузнецов П.С.* Опыт формального определения слова // Вопр. языкознания. – 1964. – № 5. – С. 75–77.
18. *Шарандин А.Л.* Интегративная концептуализация в морфологии // Когнитивные исследования языка: Сб. науч. тр. – Тамбов: Общерос. обществ. организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2009. – Вып. 4. – С. 232–277.
19. *Шарандин А.Л.* Русский глагол: комплексное описание. – Тамбов: Изд-во Першина, 2009. – 586 с.
20. *Шарандин А.Л.* Категория когнитивно-дискурсивных форм русского глагола // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. – С. 214–223.
21. *Шарандин А.Л.* Теория лексической грамматики в аспекте когнитивно-дискурсивного подхода // Когнитивные исследования языка. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2015. – Вып. 21. – С. 129–134.

Поступила в редакцию
15.05.17

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
ул. Интернациональная, д. 33, г. Тамбов, 392000, Россия
E-mail: sharandin@list.ru

**Lexical Grammar Theory in the Context of Pedagogical Linguistics:
Lexical and Grammatical Analysis of the Word in Higher Education Institutions**

A.L. Sharandin

G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, 392000 Russia

E-mail: *sharandin@list.ru*

Received May 15, 2017

Abstract

The paper covers the methodological aspects of interaction between the lexical and grammatical levels, which can be considered as the key problem of teaching the Russian language. In the context of pedagogical linguistics and the author's theory of lexical grammar as a special aspect of the Russian grammar, the lexical and grammatical analysis of the word in the dialectic unity of language and speech has been performed. The obtained results allow to evaluate the integrative knowledge of vocabulary and grammar considering their interrelation, integrity, and systemic character. The degree and nature of scientific knowledge on pedagogical linguistics are related to the development level of students at schools and universities. The lexical and grammatical analysis has been carried out in two directions: 1) with regard to the word form and 2) with regard to the lexeme word. When syntactical forms (derivatives) are involved in the lexical and grammatical analysis, the active forms of studying the Russian grammar can be applied. They are aimed at description of an objective-denotative situation under different conditions of communication. The suggested plan of lexical and grammatical analysis has been applied using particular linguistic data (by segmentation of the verbal lexeme). The results of the application of lexical grammar theory in practice favor the development of a dialectic understanding of the system with regard to language and speech, morphology and syntax, as well as the interaction between vocabulary and grammar as a whole.

Keywords: vocabulary, grammar, lexical grammar theory, pedagogical linguistics, word analysis, language and speech

References

1. Ursul A.D. The Problem of Information in Modern Science (Philosophical Essays). Moscow, Nauka, 1975. 287 p. (In Russian)
2. Buslaev F.I. Teaching the Native Language. *O prepodavanii otechestvennogo yazyka* [On Teaching of the Native Language]. Moscow, Prosveshchenie, 1992, pp. 25–373. (In Russian)
3. Problems of Pedagogical Linguistics. Filippenko K.K. (Ed.). Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1989. 181 p. (In Russian)
4. Sharandin A.L. Urgent and Debatable Problems of Russian Morphemics. Tambov, Izd. TGU, 2012. 130 p. (In Russian)
5. Aksakov K.S. Complete Works. Vol. 2. Pt. 1: Philological Essays. Moscow, Univ. Tip., 1875. XII, 660 p. (In Russian)
6. Raspopov I.P. School and Scientific Grammar. *O preemstvennosti v prepodavanii russkogo yazyka v skole i vuze* [On Consistency in Teaching Russian at School and Higher Education Institutions]. Voronezh, VGU, 1977, pp. 3–8. (In Russian)
7. Sharandin A.L. Lexical grammar and functional-communicative grammar in the aspect of their interrelation. *Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya* [Language. Consciousness. Communication]. Moscow, MAKS Press, 2013, no. 47, pp. 558–570. (In Russian)
8. Katsnel'son S.D. Linguistic Typology and Verbal Thinking. Leningrad, Nauka, 1972. 216 p. (In Russian)

9. Sharandin A.L. Lexical grammar as an object of cognitive linguistics. *Voprosy Kognitivnoi Lingvistiki*, 2015, no. 3, pp. 72–79. (In Russian)
10. Vinogradov V.V. Russian Language: Grammatical Studies on the Word. Moscow, Vyssh. Shk., 1972. 615 p. (In Russian)
11. Danilenko V.P. Once again about the Grammatical Status of Lexicology. Available at: <http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/lecsologia.htm>. (In Russian)
12. Balalykina E.A. To the question of grammatical lexicology as an independent linguistic discipline. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2006, vol. 148, no. 2, pp. 68–76. (In Russian)
13. Rudelev V.G. Word Phonology. Tambov, TGPI, 1975. 128 p. (In Russian)
14. Sharandin A.L. A Course of Lectures on the Lexical Grammar of the Russian Language. Morphology. Tambov, TGU, 2001. 313 p. (In Russian)
15. Sharandin A.L. Consciousness, semiotics, language, communication and pragmatics as a common conceptual space. *Voprosy Psikholingvistiki*, 2015, no. 3, pp. 240–250. (In Russian)
16. Chesnokova L.D. Problems of Morphological Segmentation. Moscow, Vyssh. Shk., 1991. 192 p. (In Russian)
17. Kuznetsov P.S. An attempt of formal word definition. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 1964, no. 5, pp. 75–77. (In Russian)
18. Sharandin A.L. Integrative conceptualization in morphology. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Research on Language]. Tambov, Obschcheross. Obschestv. Organizatsiya “Rossiiskaya Assotsiatsiya Lingvistov-Kognitologov”, 2009, no. 4, pp. 232–277. (In Russian)
19. Sharandin A.L. Russian Verb: Complex Description. Tambov, Izd. Pershina, 2009. 586 p. (In Russian)
20. Sharandin A.L. Problems of Statement (Representation) in Language/ Types and Formats of Knowledge. *Kategoriya kognitivno-diskursivnykh form russkogo glagola* [The Category of Cognitive and Discourse Forms of the Russian Verb]. Moscow, Inst. Yazykoznanoya Ross. Akad. Nauk, 2007, pp. 214–223. (In Russian)
21. Sharandin A.L. The theory of lexical grammar in the aspect of cognitive and discourse approach. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Research on Language]. Moscow, Inst. Yazykoznaniiya Ross. Akad. Nauk. Tambov, Izd. TGU, 2015, no. 21, pp. 129–134. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Шарандин А.Л. Теория лексической грамматики в контексте педагогической лингвистики: лексико-грамматический анализ слова в вузе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 5. – С. 1331–1345. ⟩

⟨ **For citation:** Sharandin A.L. Lexical grammar theory in the context of pedagogical linguistics: Lexical and grammatical analysis of the word in higher education institutions. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 5, pp. 1331–1345. (In Russian) ⟩